

ПОЛИТИКА И ПРАВО В ФИЛОСОФСКО- ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ ПИФАГОРА

П. Л. КАРАБУЩЕНКО*

Политико-правовое учение Пифагора является слабоизученной областью истории античной философии. В представленной работе раскрываются основные положения правового учения этого мыслителя в контексте его политических воззрений. Акцент при этом автором делается на выявлении элитологических особенностей рассматриваемого концепта, установлении его этических и гносеологических норм, а также влияния, которое было им оказано на развитие дальнейшей философско-правовой мысли.

В рассматриваемом политико-правовом учении Пифагора он предстает перед нами в несколько необычном формате — как ученый-общественник. Выведенные им правила не утратили своей актуальности и по сей день, что указывает на открытие им некоторых фундаментальных принципов развития политико-правовой научной мысли. При этом Пифагор привносит в право значительный элемент морали, что придает его политической философии особую меритократическую направленность. Особое внимание он уделяет вопросам типологии политических элит, подразделяя ее на законодательную и исполнительную. По мнению философа, качество власти напрямую зависит от качества получаемого ею образования. Поэтому в систему подготовки своих учеников он вводит блок политико-правового знания, для лучшего запоминания изложенный им в афористической форме.

Красной нитью через все его общественное учение проходит тема взаимоотношения элиты и масс. Человек элиты отличается от человека масс прежде всего качеством своего знания. Именно это качественное превосходство и делает его профессионалом, вместе с тем определяя и качество самой его власти. Даваемые Пифагором элитам практические советы указывают на его глубокое профессиональное понимание политики и права, свидетельствуют о знании общественной жизни и адекватной ее оценке. Отдельные положения философа сохраняют свою актуальность и в наши дни и могут быть перенесены на современную практику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика, право, закон, элита, философия, этика, мудрость, справедливость.

KARABUSHCHENKO P. L. POLICY AND LAW IN PHILOSOPHIC-ELITOLOGICAL TEACHING OF PYTHAGORAS

The political and legal doctrine of Pythagoras is a poorly studied area of the history of ancient philosophy. The present paper reveals the basic provisions of the legal doctrine

* Карабущенко Павел Леонидович — доктор философских наук, профессор Астраханского государственного университета.

Karabushenko Paul Leonidovich — doctor of philosophy, professor, Astrakhan State University.

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

© Карабущенко П. Л., 2016

of the thinker in the context of his political views. The author focuses on identification of elitological features of the given concept, determination of its epistemological and ethical standards, as well as influence that it had exerted on the further development of philosophical and legal thought.

In this political and legal teaching of Pythagoras he appears in a somewhat unusual format as a social scientist. The rules derived by him are still relevant today, thus indicating that he has discovered certain fundamental principles of development of the political and legal scientific thought. In addition, Pythagoras introduces a substantial moral aspect into the law, thus giving a particular meritocratic direction to his political philosophy. He paid special attention on the typology of the political elite dividing it into the legislative and the executive ones. According to the Philosopher, the quality of power directly depends on the quality of its education. Therefore, while training his students he has introduced a set of political and legal knowledge which has been presented in an aphoristic form for better memorization.

The relation between the elite and the masses is a common thread of all his social doctrine. An elite person differs from a mass person especially in terms of the quality of his knowledge. This qualitative superiority makes him a professional at the same time defining the quality of his power. Practical advice given by Pythagoras to the elite indicates his deep professional understanding of politics and law, proves his knowledge of the social life and its adequate assessment. Certain provisions of the Philosopher are still relevant today and can be transferred to the current practice.

KEYWORDS: politics, law, statute, elite, philosophy, ethics, wisdom, justice.

В научной литературе древнегреческого философа *Пифагора* (ок. 584 — ок. 500 до н. э.) чаще всего определяют как выдающегося математика, внесшего существенный вклад в развитие этой науки. Что мы знаем о самом Пифагоре? Достоверно известно, что он происходил из весьма самостоятельной семьи: его отец (Мнесарх) успешно занимался торговлей и брал своего сына во многие свои путешествия; мать (Пифаида) была из знатного рода Анкея, основателя Самоса (*Порфирий. Жизнь Пифагора, 2*)¹. По свидетельствам историков, Пифагор имел красивую внешность, в зрелые годы носил длинную бороду, а на голове золотую диадему. Его учителями были Анаксимандр Милетский и Ферекид Сиросский (*Диоген Лаэртский, 1, 11, 120*)². Длительное время (22 года) Пифагор провел в Египте, где учился у жрецов Ониуфиса в Гелиополе (*Порфирий. Жизнь Пифагора, 8; Исократ. Бусириис, 28*). Отец истории Геродот называл Пифагора «не самым захудалым умником» (*История, IV, 94*)³. О Пифагоре сохранилось очень много язвительных высказываний и неправдоподобных сведений. Так, зафиксирован случай, когда его просто сравнили с ядовитой змеей: «Укусившую его в Тиррении смертельно ядовитую змею он сам убил своим укусом» (*Аполлоний. Чудесные рассказы, 6*).

¹ *Порфирий. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О Жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.*

² *Диоген Лаэртский. О Жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.*

³ *Геродот. История: в 9 кн. М., 2001.*

Оставляя в стороне математические и религиозные воззрения Пифагора, мы коснемся лишь политико-правовых и, в частности, элитологических сторон его философии. Поэтому в качестве *объекта* настоящего исследования выступает политико-правовое учение Пифагора, а в качестве *предмета* — его элитологические философские воззрения. Раскрытие этих тем будет осуществлено на базе анализа его этических, гносеологических и педагогических категорий, тесная связь с которыми и предопределила вектор развития его политико-правовых идей. Исследователями (А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. Н. Чанышев, Г. К. Ашин)⁴ давно уже было замечено, что почти все античные идеалисты в своих политических философских композициях были сторонниками так называемой просвещенной аристократии, которая ориентировала общество не столько на установление жесткой социально-политической иерархии, сколько на четкую доминацию иерархии интеллектуальных ценностей. Не был исключением и Пифагор, который одним из первых отстаивал идеи четко иерархического устройства общества. И это видно на примере его учения о совершенстве.

1. «Теория совершенства»: элитология и этика Пифагора. Согласно этому учению жизнь совершенствуется (элитизируется) в процессе овладения (осознания и реального воплощения) человеком высшей нравственности. В связи с этим Пифагора интересует не просто этика и не просто нравственное поведение, а высокая этика и высоконравственное бытие человека. В этом плане мы вплотную приближаемся к тому, что можно условно назвать «теорией совершенства» Пифагора. Философ утверждает, что всем людям доступен путь к совершенству (ибо в каждом смертном присутствует частица божества), но не все почему-то могут этим воспользоваться. Главной трудностью на таком пути является то, что он пролегает через мораль, ибо только моральное здоровье придает человеку духовное благородство и открывает двери совершенства. Люди сами себе приносят страдания, поскольку они слепы и глухи и не в состоянии найти путь к совершенству. Соответственно лишь немногие избранные способны достичь духовных высот. Совершенство всегда увеличивается с повышением иерархического уровня развития любой системы (*Диоген Лаэртский, VIII, 26–27*). Пифагор же проповедует путь к этому духовному совершенству, и вся его философия, в сущности, является «*философией духовного совершенства*».

Пифагор неоднократно призывал своих последователей прежде всего обращаться за советом к своей совести, а уже затем к советам друзей или мудрецов (*Пифагор, Законы. ССLIV*)⁵. Именно *совесть должна быть единственным божеством человека (Там же. ССLV)*. Главный этический тезис Пифагора заключался в том, что высшей нравственной целью (телос) является уподобление человека богу (*Столбей, II, VII, 3f*)⁶. Данный постулат бу-

⁴ Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. М., 2010; Элитология: Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М., 2013.

⁵ Пифагоровы законы и нравственные правила. Афоризмы Эпиктета. М.: СПб., 2000.

⁶ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. М., 1989.

дет затем неоднократно повторен и Сократом, и Платоном (*Теэтет*, 176b)⁷, и многочисленными их последователями и оппонентами.

Главный этический императив, к которому впоследствии будут неоднократно обращаться философы, был сформулирован именно Пифагором в форме совета человеку «не делать другим животным того, чего не хочешь, чтобы они тебе делали» (*Пифагор, Законы*, VI). Только благоустроенная душа способна наслаждаться подлинным счастьем (*Там же*. LXXXIII). Этому «благоустройству души» предшествует кропотливая философская работа по ее воспитанию, в связи с чем философ утверждает: «Научайся заблаговременно ограждать себя щитомлюбодумрия, ибо это защитительное оружие требует частого употребления» (*Там же*. CCXLIV).

У Пифагора мы встречаем такое этико-социальное понятие, как «лучшие люди» («*aristos*», или «*elite*»). По его мнению, именно на этих самых «лучших людях» и держится весь общественный порядок. Они необходимы, ибо без них общество ввергается в хаос (*Диоген Лаэртский*. VIII, 50). Но сами по себе такие аристократы появиться не могут. Их необходимо воспитать, для чего и существуют на свете мудрецы, чтобы воспитывать эту «новую аристократию». «Мудрый и высоким умом одаренный! — призывает Пифагор. — Старайся, сколько возможно, усовершенствовать род человеческий» (*Пифагор, Законы*. CXXVIII).

Главная цель мудрой жизни заключается в познании самого человека, поскольку такое познание «удобнее и нужнее, чем познание богов» (*Там же*. CCXXVIII). Поэтому воспитание «новой аристократии» требует всестороннего изучения сущности самого человека. Для этого необходимо объединение усилий всех философствующих умов. Это объединение, этот союз по разуму, должен составить оппозицию всему неразумному и варварскому. Борьба между разумом и невежеством есть, в сущности, борьба добра со злом. Только объединенные на основе развитого разума силы добра способны побороть хаос зла, тем более что зло само часто противодействует себе: «Только тогда добрые бывают спокойны, когда злые друг друга истребляют» (*Там же*. LXXXIX).

Примерная жизнь добродетельного человека значит для Пифагора гораздо больше, чем мифическая история какого-нибудь божества (*Там же*. LXVIII). Великим человек может быть только в результате величия своего духовного мира, а не вследствие каких-либо своих физических или материальных преимуществ (*Там же*. LXXV). Для посмертной славы Пифагор считает достаточным оставить после себя «добродетельное семейство и хорошую книгу» (*Там же*. LXXXIV). Именно «гробы добродетельных людей» должны быть для всех священными жертвенниками (*Там же*. CCXVIII), символами высокой морали. Более того, именно общественные «благие нравы» определяют и гражданскую принадлежность высоко нравственного человека, ибо истинное отечество человека там, где есть благие нравы (*Там же*. XXXIX). Заключительный афоризм Пифагора относительно нравственного императива звучит вполне обнадеживающе: «Не заботься о со-

⁷ Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990–1994.

искании великого знания: из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая наинужнейшая, но ей не обучаются» (*Там же. CCCXXV*).

2. Смысл жизни. Согласно Пифагору, смысл жизни состоит в том, чтобы всей своей жизнью стремиться к мудрости, искать мудрость и умереть в мудрости и ради мудрости. При этом философ указывает на то, что «счастье состоит не в том, чтобы называться мудрым, а в том, чтобы быть им на самом деле» (*Там же. CCLXXXV*). К мудрости необходимо стремиться с юных лет, так как это упражнение требует целой человеческой жизни (*Там же. CCCXX*). Поэтому он всем нам и советует: «Посещай дом мудрого: будет ли он дома, или нет, ты выйдешь из него лучшим» (*Там же. CCXCII*).

Философ считает, что для того чтобы стать полноценной личностью, необходимо совершить правильный выбор образа своей жизни и следовать этому выбору на всем протяжении своего земного существования (*Там же. VII*). В качестве такого стержня существования своей собственной личности он видит неукоснительное следование истине: будь «другом истины даже до последней минуты твоей жизни; но страшись быть гонителем за нее подобных тебе» (*Там же. IX*). В жизни каждого человека должен быть установлен свой особый порядок. Самым оптимальными для Пифагора является трезвая и целомудренная жизнь, воздержание от вина (которое есть «молоко, питающее страсти». — *Там же. LXXVIII*), пресыщения и изучение своего собственного разума (*Там же. XX–XXII*). Счастье находится в самом человеке, поэтому не стоит за ним гоняться вне себя, а должно углубиться внутрь своего духовного мира (*Там же. XLVI*). Фактически Пифагор призывает своих последователей к аскезе (*Страбон, XV, 716*). Умеренность образа жизни должна содействовать подчинению тела душе. Для этого необходимо аскетически ограничивать свое тело от излишеств, ибо «весьма тучное тело иссушает душу». Поэтому философ советует не делать свое тело «гробом своей души» (*Пифагор, Законы. XCVIII–XCIX*). Саму же душу необходимо приучить к размышлению. Именно глубокое и трезвое размышление придаст душе «орлиные крылья» (*Там же. CCCXXIII*).

Лицо человека только тогда бывает прекрасным, «когда оно изображает изящную душу» (*Там же. XXXIII*). А это изображение может возникнуть только путем преобразования первобытного образа человека в его лик, иными словами, это путь к личности через образование. Платон полагал, что именно за это особенно и ценился «пифагорейский путь жизни», так как он был ориентирован на духовное совершенствование личности. Главным примером здесь был сам Пифагор, «а его последователи даже и до сих пор называют свой образ жизни пифагорейским и явно выделяются среди остальных людей» (*Платон. Государство, X, 600b*). Что это была за «элитность жизни», что столь заметно, по выражению Платона, выделяла последователей Пифагора среди остальных людей? Первой в длинном списке обнаруживаемых нами достоинств в духовном мире пифагорейцев следует назвать их особую тягу к любомудрствованию (φιλοσοφία). Именно философия являлась одной из элитизирующих субстанций пифагорейского сознания. И именно Пифагору мы обязаны появлением самого термина «философия».

3. Теория познания: элитный уровень мышления. Пропитывание поведения высокими этическими нормами должно происходить на фоне овладения специальным знанием, т. е. развитием интеллектуальных способностей человека. Таким образом, элитизация продолжается в процессе овладения элитарным знанием и формирования элитарного мышления, элитарного сознания. Мы не намерены в настоящей работе пересказывать уже известные моменты философского наследия Пифагора, поэтому особо подчеркнем лишь те элементы его большой философии, которые имеют непосредственное отношение к элитологической проблематике.

Главным в познании Пифагор считает исследование человеческого сердца (*Пифагор, Законы. XIX*). В этом познании большее место философом отводится своему личному опыту, чем мнению иных сведущих людей: «Более примечай и наблюдай, чем читай: кто читает много, тот читает худо» (*Там же. XVII*). Для того чтобы правильно себя познать, необходимо «все с особым вниманием рассматривать», но ничего не изъяснять (*Там же. XVI*). Именно через изучение порядка своего сердца мы можем подойти к разгадке всех вещей, к познанию естественного порядка самой Природы, которая через него сама существует (*Там же. XXIV*).

Пифагор давал очень высокие оценки развитому и хорошо поставленному человеческому разуму — капля здравого разума предпочтительнее целого кладезя учености (*Там же. CCCXXI*). Он справедливо полагал, что именно разум является божественной частицей в человеке. Поэтому его девиз гласил: «Повинующийся разуму повинуется богам» (*Там же. XVIII*). И добавляет, что сила разума такова, что рано или поздно способна победить всякую иную силу, ей противостоящую (*Там же. CCLXXXII*). «Что такое **мудрость**? — спрашивает сам себя Пифагор и отвечает. — **Знание порядка**. Если желаешь быть мудрым в течение твоей жизни, все поставь на своем месте. Преходящая временная слава не стоит тихого и безмятежного порядка, видимого в ежедневных делах мудрого» (*Там же. XXVI*). Однако он предостерегает нас от прямого отождествления знания и мудрости (*Там же. LXI*). Наша любовь к мудрости (философия) не должна иметь никаких ограничений (*Там же. LXII*). Непосредственно с мудростью связано и такое его понятие, как «добродетель». Согласно его трактовке, добродетель есть «любомудрие, употребленное в действие» (*Там же. XXVII*).

Мудрец должен вести уединенный образ жизни, чтобы быть свободным и не испытывать влияния других выдающихся умов. Пребывание даже в толпе мудрецов понижает интеллектуальные способности личности: «Не будь членом ученого общества: самые мудрые, когда они составляют общество, делаются простолюдинами» (*Там же. XLIII*). В этом фрагменте Пифагор фактически стоит на пороге выведения одного из основополагающих законов современной элитологии — **закона потери элитности среди элитного**. Согласно этому закону элитный статус теряет свое значение среди равных ему объектов элиты. Внутри элиты все равны, а значит, внутри элиты нет самой элиты. Для такой элиты элитой будет являться только вышестоящее в пирамиде мировой иерархии. Пифагор идет еще дальше, утверждая, что «свидетельство мудрого есть свидетельство богов» (*Там же.*

СXXXI). Здесь мы имеем прямой выход на известные высказывания Платона относительно сущности родства природы мудрости философа и богов. Следовательно, для элиты (в данном случае речь идет об элите духа) выходящей элитой будет уже мир божественный, из пределов которого она и черпает свои духовные силы. В чем выражается такая сверхмудрость? Философ и здесь детально исследует все стороны этой проблемы.

Начало премудрости, по Пифагору, есть **молчание**. Поэтому философ уделяет особое внимание молчанию, которое является краеугольным камнем «храма премудрости» (*Там же. XXV*). Слушая и сохраняя молчание, человек делается мудрым (*Там же. LI*). Божественная мудрость плохо выражается посредством человеческого слова, но может быть ухвачена силою человеческой мысли. Поэтому Пифагор и советует своим последователям: «Говори мало, пиши еще менее» (*Там же. LXXXI*). По свидетельству Исократ, в его время молчанием Пифагора восхищались больше, чем речами самых прославленных греческих ораторов (*Исократ. Бусириис, 28*), так как в этом молчании видели силу божественной мудрости. Тайна всегда усиливает мудрость, даже если ее там и нет.

Пифагор выделяет два вида познания: «темное» — основанное на невежестве (религиозном суеверии) и присущее большинству (народу), и «светлое» — основанное на опыте и мудрости и присущее меньшинству (элите) (*Пифагор, Законы. XXXIV*). Именно невежество есть истинная смерть для человека (*Там же. LV*), она же и главный источник рабства (отсутствия свободы). Наверное, именно с этой целью Пифагор запрещал «начальникам училищ любомудрия» впускать к себе жрецов — служителей традиционных религиозных культов, насквозь пронизанных народным суеверием (*Там же. CCII*). Главный порок современного ему жречества он видит в том, что оно смешивает чувство благодарности великим людям (героям) с религиозным суеверием, превращающим их в богов (*Там же. CCXVIII*).

Главной целью бытия элитарного сознания, согласно Пифагору, должно быть рассмотрение сущности Природы, которая есть «Божество богов». «Рассматривай только Природу, — советует он нам, — а прочее оставь простолюдинам» (*Там же. LXXIII*). Философ может увидеть в Природе только то, на что способен его разум. Если разум не в состоянии ясно и вразумительно познавать законы «книги Природы», то лучше ограничиться уже познанным: «чего в ней [т. е. в «книге Природы»] не можешь читать, то тебя и не касается» (*Там же. LXXXIII*). Если мудрец пожелает поделиться с людьми какой-либо важной истиной, то ему следует ее облечь «в одежду общественного мнения» (*Там же. CLV*).

Носитель элитарного сознания — это человек мудрый и одаренный высоким умом. Его «светильник» мудрости изливает ровный и чистый свет (*Там же. CLXVI*). Важен также и этический облик мудреца — его жизнь должна быть воздержанная и трезвая: «Врата храма премудрости имеют тесный вход. Упитанный и тучный не может через них пройти» (*Там же. CCXXXIII*).

4. «Теория совершенства» и элитарная педагогика. Пифагор признает только духовное совершенство. Физическое его интересует в мень-

шей степени. Как идеалист он признает не только бессмертие души, но и ее естественную потребность в самосовершенствовании. Неестественным является, когда совершенствуется только одна физика. Такое «совершенствование» можно назвать просто развитием. Материя совершенствуется лишь тогда, когда вступает в соприкосновение с духом. Именно динамика духовного развития облагораживает материю, создает из нее культуру, как отпечаток духа в материальном мире. Сам же дух может развиваться и совершенствоваться в образовательном процессе, когда волевые, моральные и интеллектуальные способности человека приводятся в некое элитное единство.

В основах образовательной доктрины Пифагора мы можем уже обнаружить отдельные компоненты будущих теорий элит вообще и психологических теорий в частности. Диоген Лаэртский (*VIII, 7*) упоминает о том, что Пифагором был написан некий философский трактат «*О воспитании*», в котором он якобы и изложил свое видение дифференцированной природы человека. Рассматривая эту антропологическую концепцию, мы невольно наталкиваемся на то, что можно назвать «теорией совершенства».

«Теория совершенства» Пифагора опирается на его теорию о существовании трех миров (естественного, человеческого и божественного), которые, взаимно поддерживая и определяя друг друга, используют вселенскую драму двойным движением — нисходящим и восходящим. Пифагор учил, что еще на земле человек имеет возможность очиститься и освободиться от пороков своего естественного бытия путем тройного посвящения. Дело посвящения состоит в приближении к великому Существу, в уподоблении Ему, в возможном усовершенствовании и в господстве над всеми вещами посредством разума. Понимание этого великого закона природы дано не каждому. Необходимо, по мнению Пифагора, овладеть определенным знанием, чтобы на практике осуществить эту великую цель человеческой жизни, для чего необходим определенный процесс воспитания и специального образования⁸.

Созданный Пифагором в Кротоне тайный Союз, или Орден, был построен на эзотерических принципах и жесткой системе индивидуального отбора кандидатов — совершенных и посвященных в это учение. Посвященность в эзотерическое учение в Ордене имела несколько ступеней: 1) *подготовительная ступень* (психологическая и педагогическая адаптация новобранца); 2) *ступень очищения* или катарсиса (на этой ступени давали начальные знания: Учение чисел и Теогония); 3) *ступень совершенства* (Космология, Психология, Теория эволюции души) и, наконец, 4) *ступень Эпифании* (дословно «обозрение с высоты») — состояние совершенства, в котором посвященный, соединив свою душу с Богом, созерцает полноту Истины.⁹ Отбором в эту школу руководил сам Пифагор, который в истории античной философии снискал себе славу физиогномиста. Следовательно,

⁸ Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М., 1997. С. 119–140.

⁹ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914. С. 217, 241–296.

мы вправе предположить, что им была «разработана некая методика» по выявлению задатков человеческой одаренности.

Точно известно, что всех своих учеников Пифагор делил на два класса: первых — их было большинство, он называл «акустикками», т. е. слушателями, вторых — таких было меньшинство — «математиками», т. е. познавателями. Порфирий в своей книге «Жизнь Пифагора» поясняет суть этого деления: «*Математики* — те, кто изучили всю суть науки и полнее, и подробнее, *акустики* — те, кто только прослушал обобщенный свод знаний без подробного изложения»¹⁰.

Различие, которое Пифагор видит в людях, происходит, по его мнению, или от первоначальной сущности индивидов, или от ступени достигнутой ими духовной эволюции. С последней точки зрения, всех людей можно распределить на четыре вида, которые в свою очередь соответствуют четырем классам пифагорейской эзотерической школы.

Первый вид: у огромного большинства людей воля вызывается преимущественно телесными потребностями. Поэтому их можно назвать «действующими по инстинкту». Они способны не только на физические работы, но и на творческую деятельность разума в пределах физического мира, в области торговли и промышленности и всякой практической деятельности.

Второй вид: на второй ступени человеческого развития воля, а следовательно, и сознание, сосредоточены в душевном мире, т. е. в области чувствования, воздействующего на интеллект. Люди этой категории действуют под влиянием «одушевления» или «страсти». По своему темпераменту они способны стать воинами, артистами или поэтами. Большинство литераторов и ученых принадлежат также к этому разряду, ибо они живут в условных идеях, направляемых страстями или ограниченными узким кругозором, и не поднимаются до чистой Идеи, до всеобъемлющего миропонимания.

Третий вид: третий, несравненно более редкий разряд людей, воля которых сосредоточивается главным образом в чистом разуме, освобожденном от влияния страстей и от границ материи, что и придает понятиям таких людей всеобъемлющий характер. Это люди, действующие под влиянием интеллекта. Из их рядов выходят общественные деятели, поэты высшего разряда и в особенности истинные философы и мудрецы, те, которые, по Пифагору, должны управлять человечеством. В этих людях страсть не погасла, так как без нее ничто не совершается на земле, и она представляет собой силу огня или электричества в нравственном мире. Страсти у них служат разуму, между тем как в предшествующей категории разум бывает, по большей части, слугой страстей.

Четвертый вид: самый высший человеческий идеал осуществляется в четвертом виде, где к господству разума над душой и над инстинктом присоединяется господство воли над всем существом человека. Покорив

¹⁰ Порфирий. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О Жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 418–422.

всю свою природу и овладев всеми своими способностями, человек приобретает великое могущество. Благодаря могучей силе сосредоточения воля такого победившего человека, действуя на других, приобретает почти безграничную власть. Такие люди носили разные имена в истории. Это адепты, великие посвященные, высшие гении, которые содействовали преобразению человечества. Они рождаются так редко, что их можно сосчитать в истории человечества. Эта последняя категория не подлежит обычной нравственной мерке, поскольку такие люди сами являются законодателями морали. Эта идея — идея «сверхчеловека» — будет впоследствии развита в философии Платона и Ф. Ницше. Но Пифагор останется первым, кто поставил вопрос о сверхчеловеческом начале, объявив сверхчеловеком себя самого¹¹.

В философской доктрине Пифагора с элитологией связан и вопрос об эзотеризме знания. Античные историки философии (Диоген Лаэртский, Порфирий) неоднократно обращали внимание своих читателей на скрытность пифагорейцев и их пристрастие ко всему тайному. Многие античные мыслители (Эпихарм, Ксенофан, Гераклит, Антисфен) открыто высмеивали их скрытность. Современные исследователи утверждают: если пифагорейцы и скрывали какие-то свои доктрины, то скорее религиозные, чем научные и философские. Показательно, что во всех свидетельствах речь идет не об учениках Пифагора, а о пифагорейцах, живших уже после предполагаемого обнародования Филолаем секретов этой школы. Исократ и Аристотель ничего не говорили о тайности или обете молчания. Они указывают лишь на требование самого Пифагора быть сдержанным в речах¹². Однако скудость сведений о жизни самого Пифагора и появление многочисленных псевдопифагорейских трактатов вынудили последователей этого учения превратить пифагорейскую молчаливость в секретность, так как эзотеризм в известной мере элитизирует своих носителей.

5. Политическая элитология: политика и право. Политическое учение Пифагора выходило из его общей концепции развития духовного совершенства человека. Так же как и в культурологической части своей элитологической концепции, Пифагор был сторонником качественного показателя перед количественным фактором. Поэтому в политическом плане Пифагор был больше противником демократии, чем ее сторонником, а следовательно, испытывал симпатии к аристократическим формам правления.

¹¹ Согласно Элиану, «Пифагор объяснял людям, что он происходит из семени лучшего, сравнительно с человеческим», что существуют три вида «разумных живых существ»: Бог, человек и «подобные Пифагору» (*Элиан, IV, 17*). Речь, таким образом, идет о каком-то качестве, которое «обычного человека» превращает в «сверхчеловека». Если исходить из этимологии, то «подобные Пифагору» — это те, кто является «лучшим семенем человечества», т. е. его элитой. Пифагор не уточняет, правда, о каком типе элиты идет речь, но из контекста ясно, что это элита духа (*Чанышев А. Н. Итальянская философия. М., 1975. С. 51*).

¹² Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994. С. 94–98.

Его пристрастия к высоконравственным идеалам передавались и на его политические симпатии и воззрения¹³.

Трудно сказать, сторонником какой формы общественного правления был Пифагор. Диоген Лаэртский прямо называет учеников Пифагора, занимавшихся политической деятельностью в своем Кротоне, «подлинной аристократией», так как их правление было действительно самым лучшим (VIII, 3). Речь, по-видимому, здесь идет не столько о социальном статусе пифагорейцев, сколько об их умении управлять государством, что заставляет нас признать их правление меритократическим, а их самих — отнести к числу аристократии духа. Подтверждение этому мы находим у самого Пифагора, которому в политическом плане было все равно, кто стоит во главе власти — демократы или монархисты, — лишь бы в государстве действовали законы, основанные на силе разума (*Пифагор, Законы. ССXXI*). У нас есть все основания считать Пифагора сторонником аристократической формы политического устройства общества, так как все гонения на пифагорейский орден были именно со стороны демократов¹⁴.

В своем политическом учении Пифагор неоднократно касается проблемы взаимоотношения власти (элиты) и народа. Его практические советы относятся в большей степени к первым, так как в тех случаях, когда речь идет о советах, обращенных к гражданам, в самом тексте прослеживается образ не простого (рядового) гражданина, а пифагорейского мудреца. Поэтому мы вправе предположить, что все обращения философа к политике и все его практические советы относятся к двум различным типам элит — «элите власти» и «элите духа». Каково должно быть отношение мудреца к общественной жизни? Ответ на этот вопрос содержится в нескольких его высказываниях. Приведем некоторые из них: 1) «Не ищи мудрого ни при дворе царей, ни в народных собраниях: ищи его в его доме» (*Там же. СIII*); 2) «Не полагайся на клятвы градоправителей и народа, так же и на обещания женщин» (*Там же. СXIV*); 3) «Не ходи часто ни в какое общество: пребывай больше в своем семействе и посещай своего друга» (*Там же. ССXLII*).

Учение Пифагора о праве следует начать с краткой характеристики его видения сущности «естественного закона». В основу любого закона должна быть положена идея справедливости. «Естественный закон» установила сама природа, указав человеку, какое его ожидает наказание в случае его нарушения (*Там же. СXXXII*). Философ считает, что законодатель не вправе расширять границы естественных законов. В пользу доминанции естественного права над правом гражданским свидетельствует и следующий фрагмент изречений Пифагора: «Обладатель народов! Прежде издания твоих законов советуйся с законами безмолвными или с внутренним народным чувством. Наилучшие законы те, которые составлялись без законодателей и которые, не будучи писаными, всегда существуют» (*Пифагор, Законы. ССXCVII*).

¹³ Виндельбанд В. История древней философии. Киев, 1995. С. 38–40.

¹⁴ Там же. С. 38–39.

Пифагор очень высоко отзывается о законе и тех, кто этот закон создает и исполняет. Его обращение к гражданам выдержано в духе античной элитологической традиции (точнее было бы сказать, что именно это высказывание и закладывает эту самую традицию): «Смертные! Закон есть вещь святая: вверяйте исполнение его только чистым рукам» (*Там же. СХХIX*). Поэтому надлежит почитать правосудие — «первую общественную добродетель, — великое Божество царств и единственное Провидение, сохраняющее счастье народов» (*Там же. СХСII*). Законы естественного права существовали задолго до появления законодателей, создающих право людей. Народ имеет право требовать от своих властей издания именно законов, основанных на естественном праве (*Там же. СХСV*). В то же время народы должны чтить память своих мудрых законодателей, «ибо мудрый законодатель подобен самим богам» (*Там же. СХСVI*). Единственным общественным божеством граждан должен быть меч правосудия: «Кротонцы! — обращается с призывом к своим согражданам философ, — не имейте других божеств, кроме меча правосудия» (*Там же. ССLXXVII*). Именно правосудие должно стать действенным механизмом по упрочению гражданского равенства. Поэтому там, где нет правосудия, нет и равенства граждан перед законом (*Там же. ССLXXVIII*).

Пифагор приводит древнее изречение, приписываемое легендарному царю Крита Миносу, который утверждал: «Законы должны быть выше и самодержца, и народа» (*Там же. ССVII*). Законы не должны быть многочисленными, так как они теряют свое изящество (*Там же. СХСIX*), а главная — начинают входить в противоречие друг с другом. Правильно отрегулированные законы представляют в руках общества весьма грозную силу. «Не нужно там оружие, где есть мудрые законы» (*Там же. СLXXVIII*), — замечает по этому поводу Пифагор и добавляет своим согражданам еще один совет: «Не обносите города вашего высокими и твердыми стенами: укрепляйте его более добрыми законами» (*Там же. ССXXIV*). Уместно будет сравнить мысль Пифагора с аналогичным высказыванием Гераклита: «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену города» (*Диоген Лаэртский, IX, 2*). Но закон достигает абсолютной своей силы лишь тогда, когда он в точности исполняется на практике. Именно за этим и должна в первую очередь следить элита власти (*Пифагор, Законы. ССXXXI*). Положение усложняется еще и тем, что, по мнению самого же философа, «всякий закон, даже и самый лучший, есть иго» (*Там же. ССXXXVIII*). Тем самым возрастает ответственность правящей элиты перед обществом.

Судя по некоторым косвенным свидетельствам, Пифагор высказывался по вопросам о происхождении государства в духе теории общественного договора. На это указывает фрагмент СLIV, в котором говорится буквально следующее: «Да изгладится навеки память о народе, первоначально поставившем над собой властителя!». Тем самым инициатором создания государства объявляется «народ», а не элитные политические группировки. В то же время только народ с «благими нравами» мог пойти на «договор» со своими элитами о создании государства. Во всяком случае,

этот вопрос звучит у Пифагора весьма двусмысленно и требует специального рассмотрения.

Весьма интересна трактовка Пифагором понятия «свободы». Для того чтобы быть свободным, необходимо быть самодостаточным. «Не почитай себя свободным до тех пор, пока пропитание твое не будет зависеть от тебя самого» (*Там же. XLI*). Для того чтобы быть независимым, необходимо вести умеренную и трезвую жизнь (*Там же. XCV*). Поэтому свобода понимается им как умение повелевать самим собой (*Там же. CCIII*). Но свобода может также исходить и от государства, если оно опирается в своих действиях на силу закона. Элита власти должна покорить свой народ «владычеству разума и добродетели», ибо только в этом состоянии и заключается его истинная свобода (*Там же. CCVIII*). «Не живи у народа, у которого находится больше жрецов, чем градоначальников; больше законов, чем добрых нравов; больше распутных женщин, чем гражданок; больше храмов, чем училищ; больше темниц, чем гостиниц» (*Там же. LXXX*). И далее: «Не живи в том городе, где пышность и великолепие народных памятников оскорбляют бедность честных семейств» (*Там же. XCIII*). Позволим себе прокомментировать эти его положения.

В первую очередь обращает на себя внимание антитеократическая направленность его рассуждений — власть в государстве должна носить светский характер. Далее, Пифагор ратует не за количество законов, а за их качество: чем больше в праве морали, тем оно совершеннее; третьим условием государства Пифагора является крепкая семья — основа всего гражданского устройства (вспомним в связи с этим патриархальную теорию происхождения государства Аристотеля!); четвертый признак — развитая система образования; пятый — открытость государства внешнему миру; и, наконец, шестой — социальная защита граждан. Суммируем теперь все это вместе: 1) светское государство — 2) гуманность законов — 3) семья — 4) образование — 5) открытое общество — 6) социальная политика. Если это так, то перед нами конкретно вырисовывается тот тип государственного устройства, который (возможно) пытался Пифагор ввести в Кротоне и в ряде иных полисов Великой Греции.

Вся философская доктрина Пифагора базируется на его утверждении о равноправии всех живых существ (*Цицерон. О государстве, III, 11, 19*). Социальная философия поражает нас необычностью для той эпохи политики терпимости к инакомыслию, своеобразным античным гуманизмом и космополитизмом. Философ призывает все народы земли признавать у себя только законы, основанные на разуме, и требовать от своих властей следовать этому правилу (*Пифагор, Законы. CXXVII*). Именно при таких «гуманных» (разумно справедливых) законах жители страны могут по праву считать себя ее гражданами (*Там же. CCLII*). Пифагор был категорически против «самовластного господства» человека не только над другими людьми, но даже и над домашними животными (*Там же. C*). Он считал рабство исчадием невежества (*Там же. CXL*). Только свободный труд каждого из нас делает нас всех свободными (*Там же. CCXXXV*).

Основой общественного устройства у Пифагора является семья. В этом с ним солидарны отчасти и Платон, и особенно Аристотель. Только хороший семьянин («исполняющий обязанности отца семейства»), установивший в своей собственной семье порядок и живущий в счастье со своими домочадцами, может претендовать на то, чтобы занимать какой-либо государственный пост (*Там же. СXCIII*). Разрушение семьи неумолимо влечет за собой и разрушение основ самого государства. Поэтому, если мудрец желает быть законодателем своего отечества, он должен быть законодателем своего собственного семейства.

6. Типы политических элит. В политической элите философ выделяет два ее типа, соответствующие двум ветвям власти: «законодатель» и «градоправитель». Общество должно более осторожно выбирать себе законодателя, чем градоправителя, так как деятельность последнего ограничивается только настоящим, в то время как творческая активность первого нацелена еще и на будущее время (*Там же. СXCVIII*). Народ, по мнению философа, не должен выбирать законодателями тех, кто предлагают им законы местного и временного (сиюмоментного) характера (*Там же. CCXXIII*). Поэтому законодатель «должен быть отголоском разума, а судья отголоском закона» (*Там же. CCLXX*). В чем заключались практические советы Пифагора политикам, составляющим элиту власти? Главным образом они касались взаимоотношений субъекта элиты с массами. Мыслитель выделяет два типа политического лидерства: законодателя и градоправителя.

А. Законодатель. Пифагор весьма высоко ценит роль законодателя в общественной жизни. В отличие от «народных предсказателей», которые тоже имеют огромное влияние на массовое настроение, законодатель отличается своей разумностью и принадлежностью к миру философии. Поэтому если народ заставляет законодателя действовать в духе своих низменных суеверий, то ему следует удалиться от дел и не участвовать в заблуждениях и преступлениях толпы (*Там же. СXXXV*). Далее Пифагор советует: (1) «Не пиши законов народу, на воротах которого не видно еще замков, ибо он в них не имеет нужды» (*Там же. CXIII*); (2) «не говори народу о его правах, если он их не знает и не исполняет своих должностей. Говорить ему о его преимуществах, не напоминая прежде о его обязанностях, значит оказать ему худую услугу» (*Там же. CVI*); (3) «не пиши законов народу, не имеющему собственности. Гражданин без собственности не имеет отечества» (*Там же. CVIII*); (4) «не пиши законов для народа, преданного роскоши: роскошь умерщвляет законы» (*Там же. СXX*); (5) «положи предел страстям гражданина и его собственности. Кто имеет мало, хочет иметь больше; кто имеет много, хочет иметь еще больше» (*Там же. СXXVI*).

Б. Градоправитель. (1) «Если желаешь навсегда иметь право наказывать злых, то не принимай от них никаких услуг» (*Там же. CVII*); (2) «имей при себе двух человек: одного, который бы всякое утро при твоём пробуждении уведомлял тебя о том добре, которое ты должен сделать в наступающий день; другого, который бы каждый вечер при отходе твоём ко сну напоминал тебе о зле, которое ты сам сделал или допустил других сделать» (*Там же. СXXXVII*); (3) «имей прилежный надзор над поведением

гражданина, работающего ночью, а день проводящего во сне» (*Там же. CLXVIII*)¹⁵; (4) «разума своего не ставь на место закона» (*Там же. CCLXXIX*).

Общий совет и законодателю, и градоправителю заключается в том, что бессмысленно требовать от людей быть добродетельными, необходимо самим удалить от них все те случаи, способствующие развитию их порочности (*Там же. СIX*). Политическая элита должна также и внешне соответственно выглядеть: показываться народу следует только в приличной одежде. «В противном случае он сочтет тебя себе подобным» (*Там же. CXXXVIII*). Начинающим политикам он советует остерегаться необдуманных поступков, так как народы подобны «солнцеводным коням» Фаэтона и могут в один прекрасный момент сбросить своего седока (*Там же. CXVII*).

Однако в политическом наследии Пифагора встречается еще один тип представителя элиты власти — «мудрый градоправитель». По всей видимости, это есть некий «идеальный тип» политического лидерства, к которому Пифагор призывает стремиться всех представителей политической элиты. У Платона это «философ на троне» (*Государство, 473d*). Каким должен быть этот идеальный политик? Какими ему необходимо обладать качествами, чтобы снискать успех в данной сфере общественной деятельности? Прежде всего, Пифагор указывает на необходимость общего и специального (философского) образования. Политик должен обладать ясной и вразумительной речью, гибким и быстрым мышлением. При этом риторика должна быть подчинена аналитике: «Прежде чем станешь говорить, дай время созреть мысли твоей под твоим языком» (*Пифагор, Законы. CXXII*).

Элитологию права поражает один весьма любопытный момент в правовом мировоззрении Пифагора. Его содержит CXXIII фрагмент его изречений: «Законодатель! — призывает философ. — Раздели твое уложение на две скрижали: на одной из них изобрази законы правосудия для народа, а на другой правила справедливости для людей отличных и просвещенных». Данное утверждение нуждается в детальном пояснении, тем более что оно противоречит самому философу. Для сравнения приведем еще одну мысль Пифагора относительно законотворчества: «Законодатель! Ты не можешь назваться истинным законотворцем, если в уложении твоём находятся исключения: законы справедливости их не терпят» (*Пифагор, Законы. CCXXXVII*). Речь фактически идет об избирательности права, о том, что для самих законодателей правоприменение носит исключительный (элитарный) характер. Этим правом они обеспечивают дополнительные условия своей личной свободы. Только человек элиты (тот, в ком созрел разум) может быть подлинно свободным. Но свобода подразумевает высокую степень осознания своей ответственности перед самим собой и обществом. Поэтому человек становится подлинно свободным лишь

¹⁵ Уместно будет здесь сравнить данный эпизод с «Законами XII таблиц». Так, в Таблице VIII § 26 устанавливал принцип легитимности власти: запрещалось устраивать в городе всякие ночные сборища, потому что политика не должна совершаться в ночное время суток, в противном случае эти действия будут квалифицироваться как «заговор».

тогда, когда начинает ходить под игом необходимости (ответственности) (*Там же. CCCVII*).

7. Антидемократизм: отношения элиты и массы. Судя по общему тону пифагорейских рассуждений о взаимоотношении субъектов элиты с представителями массы и всем народом в целом, симпатии философа явно были не на стороне последних. Космополит Пифагор обращается ко всему человечеству: «Народы! Имейте к мудрому хотя бы немного той доверенности, какую вы имеете к своим предсказателям» (*Пифагор, Законы. CXXXVI*). Народу необходимо принять мудреца как своего, в противном случае его отчужденность может привести к весьма плачевным последствиям. «Мудрый тогда согласится быть законодателем, — пишет Пифагор, — когда найдет себе отечество. Во всех странах, будучи чужим, он повсюду видит только народ, но нигде не усматривает человека» (*Там же. CLVIII*). В обществе должно царить цивилизованное (основанное только на праве) отношение элиты к массе и массы к элите. Политик не должен злоупотреблять властью, а граждане не должны свергать власть иным, чем предусмотрено самим законом, способом (*Там же. CL*).

Поэтому Пифагор советует законодателю излагать законы в краткой и доступной для простого обывателя форме. «Постарайся, чтобы уложение твое было написано на немногих листах. Закон есть общенародная книга; народ же не имеет времени много читать» (*Там же. CXXXII*). Субъект политики не должен сообщать «истину в местах общенародных: народ употребит ее во зло» (*Там же. CLXXXVII*). Политический и правовой элитаризм Пифагора проявляется и в том, что он советовал законодателю говорить «человеку о его правах, а народу о его обязанностях» (*Там же. CCLXV*).

Советы Пифагора гражданам (в частности, города Кротона) тоже касаются их взаимоотношения с властью. Народ всегда боится своих правителей, утверждает он. Это, пожалуй, есть его главный родовой порок. Своих граждан Пифагор учил не бояться смотреть в глаза правителю, который является таким же гражданином, как и они сами (*Там же. CXL*). Пифагор советует снисходительно относиться к массовым народным заблуждениям и вообще к низкому культурному уровню большинства граждан. Ни в коем случае нельзя открыто насмехаться над невежеством народа. Это не только некрасиво и недостойно элиты, но и опасно для самого насмешника, ибо, как утверждает философ, «народ достоин сожаления, а не посмеяния» (*Там же. CXIX*).

Философ указывает на особое отношение массы к представителю элиты знаний (мудрецу). Он полагает, что мудрец сам является олицетворением законности и божественного порядка. Поэтому он советует народу не принижать и не принуждать мудреца вести себя так, как того требует для всех закон: «не принуждайте мудрого чаще ходить в молитвенные храмы ваши, ибо он сам в себе носит божество», так как целью всей его жизни является уподобление богу (*Там же. CXLVII; CCLXVI*). В связи с этим он рекомендует гражданам своего полиса отказаться от своих языческих богов, многие из которых были выдуманы шарлатанами-предсказателями

и поэтами, и признать существование одного-единственного бога, которым следует сделать Истину (*Там же. CLIII*).

Очевидно, что Пифагор являлся сторонником лишь правового эгалитаризма и поборником элитаризма в области духовной деятельности: «Кротонцы! — обращается он к своим согражданам, — хотя вы все равны, но не верьте, однако, что слабоумный равен мудрому» (*Там же. CCLXXI*). Сила же разума мудрого человека может преодолеть могущество народа и царей (*Там же. CCLXXXII*). Вместе с тем хорошо известна и другая рекомендация Пифагора, адресованная уже самому представителю элиты духа (мудрецу): «Мудрый! Будучи обязан жить среди простого народа, будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающемуся с ней» (*Там же. CXС*).

В качестве социолога Пифагор весьма точно характеризует социальную стратификацию кротонского общества: «Пока город ваш состоит из богатых и бедных граждан, до тех пор вы не можете считать себя свободными: бедный по необходимости бывает невольником богатого» (*Там же. CXLIX*). Поэтому рядом с проблемой свободы автоматически возникает еще одна глобальная социальная проблема — проблема равенства. Философ констатирует тот факт, что «где нет равенства состояний, там не может быть равенства прав» (*Там же. CLXXXVIII*). Правитель (представитель элиты власти) должен ограничивать социальные страсти своих граждан к стяжательству личного имущества, ибо «кто имеет мало, хочет иметь больше; кто имеет много, хочет иметь еще больше» (*Там же. CCCIII*). Для Пифагора лучше всего остаться бедным, если для соискания богатства надо унижаться и осквернять руки свои неправотой (*Там же. CCC*). Именно психология обогащения является главной виной всех социальных бед. Само собой разумеется, что философ выступает с критикой этого «естественного закона» общественной психологии: дух тщеславия умножает число бедных, поэтому лучше стремиться быть счастливым, так как счастье не имеет ни социальных, ни культурных границ (*Там же. CCCXXIV*). Прежде чем даровать народу свободу, ему надлежит дать мудрые законы. «Люди, — утверждает Пифагор, — не могут еще быть свободными, если они имеют нужду в законах» (*Там же. CLXXIV*). Таким образом, именно право должно обеспечить и быть гарантом гражданской свободы.

Пифагор весьма остро критикует дурную власть дурного правителя. Тирания для него — наихудшая форма правления, так как тиран отрицает силу закона, а значит, ведет неразумный образ общественной жизни. Но и власть народа он тоже не приемлет, так как чаще всего она перерастает в произвол толпы — носительницы темных, разрушительных общественных сил. Как сторонник аристократической формы правления, Пифагор критикует демократию и ее прямое порождение — тиранию как наиболее испорченные формы политического устройства (в этом плане его последователями являются Платон и Аристотель)¹⁶.

¹⁶ Карабущенко П. Л. 1) «Аристократия» в платоно-аристотелевском изложении // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. Серия Юриспруденция. Тольятти, 1998. № 1; 2) Антидемократические традиции Античности // Правоведение. 1998. № 3.

Именно демократии и тирании в большей мере присущи нерадивые политики. «Искусство говорить с народом» (риторику), по мнению Пифагора, изобрел Гермес (*Там же. ССХХVII*). Нет ничего удивительного в том, что многие политики изъясняются с народом на весьма непонятном (герметичном) языке. К этому следует еще добавить и то, что по своему психологическому и интеллектуальному поведению народ напоминал Пифагору женщину или ребенка. Поэтому с народом не только бессмысленно, но и вредно рассуждать (*Там же. ССLXXXI; ССLXXXIII*). Он советует политической элите поступать с народом точно так, как сама Природа поступает с людьми: «Она делает их счастливыми, не изъясняя им того. Никогда не обманывай народ, но и всего ему не объясняй» (*Там же. СССVI*).

У Пифагора мы можем встретить высказывания как против дурного правления элиты власти, так и против дурного поведения народной массы. Массы (толпу) он сравнивает с животным, поскольку в них доминируют именно животные, стадные чувства. Так, представителю элиты философ советует делать народу добро, не помышляя при этом о вознаграждении, ибо «из всех животных он есть самый неблагодарный» (*Там же. ССХIV*).

Пифагор не признает народа в образе безликой и безгласной толпы, способной лишь на разрушение и умножение хаоса. Он предпочитает видеть в народе гражданское сообщество, сплоченное вокруг закона разума. Именно такому народу он дает свой следующий совет: «Народ, любящий свое гражданское бытие! Избегай более всего: постановления, не имеющие силы, неспособного градоправительства и роскоши при столе. Три этих вредных начала обязательно произведут общее и домашнее неустройство и ускорят общественную и частную погибель» (*Там же. ССXXXIV*). Именно такому народу он советует показывать на истину, какой бы ужасной она ни была, ибо ложное приличие может принести гораздо больше вреда, чем «голый зад истины» (*Там же. ССXLVII*). Но и слишком образованный народ тоже не подарок. Достоинства народа легко перерастают в их видимость и вместо «Киника» появляется «Циник». Поэтому Пифагор предостерегает мудреца жить среди такого «образованного народа», «у которого приличия заступают место обязанностей» (*Там же. ССXLVIII*).

Народ должен научиться уважать прежде всего самого себя. Именно из чувства собственного достоинства рождаются и все остальные гражданские добродетели. Тот же народ, который не уважает самого себя, всегда является чьим-то невольником. Такому народу законы не нужны, поскольку бесполезны, и такой народ можно не уважать (*Там же. ССLXXXVII; ССXC*).

В заключение еще раз укажем на то, что многие известные элитологические постулаты таких видных мыслителей античности, как Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель, Сенека и др., имеют своими истоками идеи, впервые высказанные Пифагором или впервые прозвучавшие в его окружении. Поэтому именно Пифагора мы вправе считать предтечей всей элитологической мысли Античности. В политической философии Пифагора мы находим отдельные элементы теории разделения властей, правового государства, космополитизма и меритократии, будущей идеологии анархизма и гуманизма, демократических прав и свобод, теории элит и просве-

щенной бюрократии. Все то, что является достоянием политической науки XVII–XX вв., мы встречаем в лаконичной форме у Пифагора.

Литература

- Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО (У), 2010. 600 с.
- Виндельбанд В. История древней философии. Киев: Тандем, 1995. 368 с.
- Геродот. История: в 9 кн. М., 2001. 752 с.
- Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. 375 с.
- Карабущенко П. Л. «Аристократия» в платоно-аристотелевском изложении // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. Серия Юриспруденция. Тольятти, 1998. № 1. С. 197–206.
- Карабущенко П. Л. Антидемократические традиции Античности // Правоведение. 1998. № 3. С. 22–29.
- Пифагоровы законы и нравственные правила. Афоризмы Эпиктета. М.; СПб., 2000. 384 с.
- Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990–1994. Т. 1. 860 с.; Т. 2. 528 с.; Т. 3. 654 с.; Т. 4. 830 с.
- Порфирий. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: ТАНАИС, 1995. 638 с.
- Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М.: ВЛАДОС, Русский Двор, 1997. 576 с.
- Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. М.: Наука, 1989. 576 с.
- Чанышев А. Н. Итальянская философия. М.: Изд. МГУ, 1975. 218 с.
- Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914. 419 с.
- Элитология: Энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.

References

- Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost': monografiya* [Elitology: History, Theory, Modernity]. Moscow, MGIMO (U) Publ., 2010. 600 p. (In Russian)
- Vindel'band V. *Istoriya drevnei filosofii* [History of the Ancient Philosophy]. Kiev, Tandem Publ., 1995. 368 p. (In Russian)
- Gerodot. *Istoriya: v 9 kn.* [History: in 9 books]. Moscow, 2001. 752 p. (In Russian)
- Zhmud' L. Ya. *Nauka, filosofiya i religiya v rannem pifagoreizme* [Science, Philosophy and Religion in Early Pythagoreanism]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1994. 375 p. (In Russian)
- Karabushchenko P. L. «Aristokratiya» v platono-aristotelevskom izlozhenii [Aristocracy in Plato-Aristoteles Presentation]. *Vestn. Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. Seriya Iurisprudentsiya*. Tol'yatti, 1998, no. 1, pp. 197–206. (In Russian)
- Karabushchenko P. L. Antidemokraticheskie traditsii Antichnosti [Anti-Democratic Traditions of Antiquity]. *Pravovedenie*, 1998, no. 3, pp. 22–29. (In Russian)
- Pifagorovy zakony i nravstvennye pravila. Aforizmy Epikteta [Pythagorean Laws and Moral Rules]. Moscow, St. Petersburg, 2000. 384 p. (In Russian)

ПОЛИТИКА И ПРАВО В ФИЛОСОФСКО-ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ ПИФАГОРА
КАРАБУЩЕНКО П. Л.

Plato. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 4 vols. Moscow, 1990–1994, vol. 1. 860 p.; vol. 2. 528 p.; vol. 3. 654 p.; vol. 4. 830 p. (In Russian)

Porfirii. [Pythagoras' Life]. *Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitkh filozofov* [Diogen Laert. Lives, Theories and Expressions of Famous Philosophers]. Moscow, TANAI Publ., 1995. 638 p. (In Russian)

Trubetskoi S. N. *Kurs istorii drevnei filosofii* [Ancient Philosophy History Course]. Moscow, VLADOS Publ., Russkii Dvor Publ., 1997. 576 p. (In Russian)

Fragmenty rannikh grecheskikh filozofov [Early Greek Philosophers in Extracts]: in 2 pt. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russian)

Chanyshv A. N. *Italiiskaia filosofii* [Italic Philosophy]. Moscow, MGU Press, 1975. 218 p. (In Russian)

Shiure E. *Velikie posviashchennye. Ocherk ezoterizma religii* [The Great Dedicated. Studies on Esoterism of Religions]. Kaluga, 1914. 419 p. (In Russian)

Elitologiya: Entsiklopedicheskii slovar' [Elitology: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by P. L. Karabushchenko. Moscow, Ekon-inform Publ., 2013. 618 p. (In Russian)